

РАННИЙ ЮБИЛЕЙ

На 50-летию Константина Райкина было три героя — сам юбиляр, контрабас и президент Владимир Путин

Григорий Заславский,
Павел Руднев

ДВА ВРОДЕ бы никак не связанных друг с другом события — выступление президента с ежегодным посланием Федеральному собранию (в субботу днем) и юбилей Константина Райкина, который праздновали в театре «Сатирикон» (в субботу вечером), — связал своим присутствием президент России Владимир Путин. В одном случае он сыграл, правда, главную роль, во втором — вторую главную, если так можно сказать (назвать роль Путина эпизодической уж точно нельзя). Сам «юбилейный» спектакль — «Контрабас» — при желании можно было бы прочесть как продолжение выступления президента, во всяком случае отдельные положения пьесы Патрика Зюскинда смотрелись как буквальные повторения и продолжения президентских мыслей. Теперь — по порядку юбилей.

В минувшую субботу театральный и политический бомонд встретился наконец по радостному поводу. В «Сатириконе» отпраздновали 50-летие Константина Райкина, актера, режиссера, художественного руководителя театра. Райкин, кажется, решил обезопасить себя и свой театр от оплошностей, допущенных на сцену на недавнем 60-летию театра «Сатирикон»: Александр Ширвиндт в тот вечер, если читатели помнят (а зрители — никогда не забудут), вывалил на подмостки мешок дерьма. И — отказался от традиционной формы сменяющих друг друга поздравлений, заменив «чествование» трехчастным действием: премьерой моноспектакля «Контрабас», жестко срежиссированным капустником и, наконец, неофициальной заключительной частью — фуршетом-поздравлениями. Но если заздравные речи были бы произнесены, то все сказанное скорее относилось бы к настоящему, чем к легендарному прошлому: «Сатирикон» и Константин Райкин сегодня — в прекрасной форме. «Контрабас» был призван лишь раз утвердить эту истину.

Юбилейный спектакль, конечно, не рассчитан на то, чтобы судить актера по всей строгости, тут всегда можно многое списать на праздничное волнение и т.п. Поэтому о спектакле мы непременно обещаем рассказать подробно чуть позже. Он того стоит. Ниже — несколько замечаний «по поводу».

Во-первых, по «Контрабасу», конечно, видно, что серьезные амбиции Райкина — не минутная слабость, вызванная желанием «забыть» репертуар «Сатирикона» несколькими серьезными названиями. Очевидно движение к серьезному, что — здесь Райкин почти что одинок в своем беспрерывном успехе — в «Сатириконе» не исключает интереса публики. Серьезно — не значит скучно. И — это уже во-вторых — Константин Райкин сумел найти режиссеров, готовых к такому «взаимоисключающему» сотрудничеству. «Контрабас» ставила уже «притеревшаяся» к Райкину, и к труппе «Сатирикона» Елена Невжина.

Спектакль удался (это — в-третьих). Видно, какой крупный актер сегодня — Константин Райкин. Значительный актер. На которого нескучно смотреть два часа (без антракта). Когда на сцене, кроме него, только контрабас и бутылки с пивом.

За «спиной» Зюскинда маячат Достоевский и Гоголь (в одном интервью Елена Невжина призналась, что первоначально речь шла о «Записках сумасшедшего», что, впрочем, в спектакле местами видно и невооруженным глазом). За «спиной» «Контрабаса» — спек-

Независимая газета. Актеры «Сатирикона» поздравляют Константина Райкина. Фото ИТАР-ТАСС

такль Фокина, в котором роль Райкина многие и до сих пор называют одной из лучших. Это был один из первых опытов на так называемой малой сцене «Современника» (так толком и не открытой) «И пойду, и пойду». Драматические сюжеты — из опыта работы Райкина в «Современнике» — не прошли даром, пригодились, поскольку Константин Райкин умеет приспосабливать все, что было хорошего в его театральной жизни, в жизни его театра, на пользу делу. Ничто, даже когда-то давно уже случившееся и другим бы давно и забытое, у него, что называется, не ушло из памяти пальцев, продолжает жить в актерских мышцах.

Райкин играет боль и трагедию, видимо, не самого талантливого музыканта. Тем более что говорить о гениальности в связи с контрабасистами — как-то не принято. Герой Зюскинда это болезненно осознает. От восхваления инструмента — к проклятиям в его адрес, поскольку контрабас поломал его жизнь, заняв собой все жизненное пространство, все «ячейки», отведенные на службу, дружбу, любовь, секс... Райкин играет еврея, не самого разумного (в жизни таких называют «сотыми евреями», тем самым определяя их исключительное неразумение), но и не самого глупого — то есть не настолько, чтобы не понимать постигшей его драмы, а может, и трагедии. Еврейская пластика — с чуть расквашивающейся походкой — замечательная деталь, время от времени подчеркивающая его «профилирующее», первородное изгойство.

Быть может, как никогда прежде, в Райкине-сыне обнаружилось сходство с Райкиным-отцом, не сугубо внешнее — речь об актерской манере, интонациях, жестах. Там, где герой «Контрабаса» открывается в своей слабости, теряет напор — в человеческой своей «малости». В эти минуты в речи Константина Райкина слышны отцовские обертоны — те фразы, те фразочки, те звуки, которыми Аркадий Исаакович говорил о сочувствии к своим слабым героям.

Театральный капустник предварило одно выступление, которому Райкин не смел помешать. Вечер начался с выхода в зал президента, который с Юрием Лужковым и шлейфом охраны продефилировал мимо кресел и вышел в боковую дверь. Оказалось, иначе нельзя было пройти в «правительственную» ложу. После антракта президент вышел на сцену.

Явление Владимира Путина на октябрьском юбилее театра «Сатирикон» было одной из его (тогда еще премьер-министра) первых публичных акций в «культурной среде». Зал и тогда был, кажется, не на шутку взволнован «человеком в ложе». Тогда же заговорили, что этот приход — дань семейной «традиции»: родители Путина познакомились на концерте Аркадия Райкина (как бы то ни было, Путин выбрал фаворита по себе: если Борис Ельцин предпочитал традиционную интеллигентскую с диссидентским норовом, то новый — энергичный, молодой, деловитый — театр).

Путин вышел на сцену, и насквозь элитарный зал «разделился» — несинхронно, но группками, словно повинувшись инстинктивной эскафе, — поднялся с мест, приветствуя президента. Все вместе встали только тогда, когда президент вручил Райкину орден.

Путин вошел и начал речь: «Когда я ехал на юбилей, мой приятель спросил меня: «Ты что говорить будешь?» — «Не знаю». — «Я не люблю, когда нужно говорить. Только когда хочется». И вот сегодня, Константин Аркадьевич, тот случай, когда говорить хочется». Монаршая простота покорила и чуткие, и гордые сердца. Театральным людям показалось, что Путин начал читать диалог из пьес Евгения Гришковца.

Президент действительно говорил хорошо, свежо, афористично. В его речи, как в игре хорошего актера, жесткая отретированность и внутренняя собранность не смогли затмить искренности высказывания. Было заметно, что речь сочинял сам, хотя речи собственны и не было — только точно подобранные слова... Путин вспоминал, что в его простой ленинградской семье стоило ему, ребенку, только пошевелиться, когда по телевизору показывали Аркадия Райкина, и он сразу же получал свое. И поэтому когда на телеэкране появился Райкин-младший, то к нему, по словам Путина, относились снисходительно. Под взрыв аплодисментов «стахановцем» назвал Путин Константина Райкина, создавшего вопреки обстоятельствам свой театр благодаря «пробивной силе таланта» (о «пробивной силе контрабаса» говорил герой Зюскинда). Для Райкина же в выступлении президента главными, показалось, были слова о том, что гениальный сын продолжает дело гениального отца. Соперничество с отцом — невольное — Райкин не то чтобы выигрывает. Нет, к этому он, конеч-

но, сознательно никогда не стремился. В данном случае — о том, что Константин Райкин не роняет, оказывается достойным, продолжает дело не буквальным следованием традиции...

Возвращение Путина в зал было столь же примечательным. Ведомый Константином Аркадьевичем, президент прошел в правую «запасную» дверь, за ним туда же и так же стремительно, как песок в горловину песочных часов, полилась с разных уголков зала однотонная река телохранителей. Полминуты полного молчания, и на правой ложе скрестились лучи прожекторов: входят Райкин и Путин, присоединяются к гостеприимному Юрию Лужкову, который уже без пиджака дожидается соседей по театральным креслам. (Кстати, Юрий Лужков устроил перед началом юбилейной встречи с народом на театральной «паперти». В самом театре он к микрофону так и не вышел.)

Несколько слов о капустнике, подаренном Райкину молодой частью труппы. Это был профессиональный капустник, в котором в полной мере были задействованы все мощности «Сатирикона» — свет, звук, пиротехника, замечательно тренированные актеры. Тут, возможно, воплотилась тоска по эстраднему прошлому, которое неожиданно сгинуло. В любом другом капустнике оплошность выглядела бы юбилейной оплошностью, здесь ее сочили бы за оскорбление ремесла, предательство по отношению к дням репетиций, которых, судя по результату, было немало.

Другое дело, что смешного, капустного, было мало — то ли создателям не хватало остроумия, то ли в 50 лет не над чем пока иронизировать. Поэтому смеялись в основном на тему собственно юбилей (Райкин подтвердил, что серьезно к своим годам и наградам не относится). Лучшее всего вышел, конечно же, капустный киноколлаж, где актеры вдоволь потешались над прошлым Райкина, поющего и танцующего.

Должно быть, невольно в капустных номерах преобладала эротическая тема — Райкина зазывали и поклонницы-сыры, и шоу-трансвеститов («пока еще не поздно сменить ампулу»), и собственные дочь и жена, уставшие ждать юбиляра у домашнего очага. Эротическая доминанта вечера, не знакомая нам по иным чествованиям, также свидетельствовала о том, что юбиляр добился собственного юбилей слишком рано.